

Гробовщик

Автор:

Редьярд Киплинг

Гробовщик

Редьярд Киплинг

Один из ключевых сатирических рассказов из «Книги Джунглей» Редьярда Киплинга «Гробовщик» в переводе Алексея Козлова, где под видом животных выведены разбойничьи типы людей.

Гробовщик

Редьярд Киплинг

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Редьярд Киплинг, 2019

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2019

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-1029-2

Когда вы говорите Табаки: «Брат! Брат мой! Когда ты позовёшь... гиен к мясу, то можешь оплакать дружбу с пузатым Шакалом!»

Таков Закон Джунглей: «Уважай стариков!»...

Это был хриплый голос... такой хриплый голос, который несомненно заставил бы тебя... задрожать от ужаса – голос, как будто что-то мягкое разодралось надвое. В нём была дрожь, карканье и скулёж!

– Уваж-жай стар-риков! О, мои р-речные бр-рательники, уваж-жайте стар-риков!

На широчайшем зеркале реки не было видно ничего, кроме небольшого островка, к которому прилипла небольшая флотилия барж под квадратными парусами с деревянными креплениями, барж, сплошь нагруженных строительным камнем. Они только что прошли под железнодорожным мостом, и медленно дрейфовали вниз по течению. Лоцманы задирали свои неуклюжие рули выше головы, чтобы избежать песчаной отмели, намытой позади мостовых опор, и когда они прохрдили отмели по трое в ряд, снова раздался ужасный карк:

– О бр-раины р-реки, уваж-жайте стар-рых и немощ-щных!

Лодочник, сидевший на планшире, повернулся и поднял голову и сказал что-то, что явно не было благословением, а скорее всего было грязным ругательством, и лодки повлеклись дальше, поскрипывая снастями в надвигающихся сумерках.

Широкая индийская река, больше похожая на цепочку маленьких озер, чем на стремнину, была гладка, как стекло, и в самой середине её отражалось песчано-красное небо, а рядом, под низкими берегами виднелись пятна желтого и темно-пурпурного цвета.

В сезон дождей ручьи шумно врывались в реку, но теперь их пересохшие пасти зависли над водой.

На левом берегу, чуть ли не под железнодорожным мостом, было нищее селение – свалка глинобитных домов под соломенными крышами, и главная улица деревни, всегда полная скота, возвращающегося в свои хлева, добегала прямо к воротам у реки и заканчивалась чем-то вроде корявого кирпичного мола, где те, кто хотел умыться, могли шаг за шагом войти в воду. Деревня называлась Маггер-Гаут.

Над чечевичными и рисовыми полями и хлопчатником в низине, ежегодно затопляемым рекой, на камыши в крутой излучине, и спутанные джунгли пастбищ за неподвижным тростником быстро опускалась ночь.

Попугаи и вороны отщебетали и откричали над рекой и теперь улетели кормиться в глубине джунглей, а к молу, быстро пересекая реку, устремлялись шумные батальоны летучих лисиц, облако за облаком, и следом за ними – стаи водоплавающих птиц, свистя и горланя, выпархивали на крышу тростника. Это были гуси с бочковидными головами и иссиня-черными спинами: Тилли, Уиджер, Маллард и Шелдрейк. Они оказались совсем рядом с кроншнепами, и соседями многих уже приземлившихся фламинго.

Неуклюжий марабу по имени Адъютант замыкал процессию, летя, как на крыльях так, как будто каждый взмах крыльев был последним в его жизни.

– Уваж-жай стар-риков! Бр-рамыны р-реки – уваж-жайте стар-риков!

Адъютант полуобернулся, слегка поводя крыльями, пытаясь проследить направление голоса, и приземлился неподвижно на песке у мола, чуть ниже моста.

Скоро вы увидите, какой он на самом деле негодяй.

Ему было около шести лет, и вид сзади у него был очень respectable, потому что сзади были видны только высокие, тонкие ноги, и выглядел он как настоящий плешивый святоша.

Впереди все было по-другому, здесь была величественная, всегда слегка наклоненная голова, и на шее у него было ни перышка, зато был ужасный мешочек из сырой морщинистой кожи под подбородком – сейф для всего, что он мог добыть кривым, как кирка, клювом. Ноги у него были длинные-предлинные, тощие-претощие, но двигал он ими с так осторожностью и с такой гордостью рассматривал, непрестанно расправляя пепельно-серые перья хвоста, что у него не было времени, оглянувшись через гладкое плечо, напрячься.

– А ну стоят-ть! Смир-рно!

Паршивый маленький Шакал, который жадно тьякал в углу заводи, блефуя, что сыт по горло, поднял вверх уши и хвост, и затрусил по мелководу к Адъютанту.

Он был самой низшей тварью из своей касты – не то, чтобы лучшие из шакалов много лучше, но этот был вообще отстоем стаи, наполовину нищевродия, наполовину преступник – пожиратель деревенских отбросов, отчаянно трусливый герой или безумно смелый трус, вечно голодный странник и редко сытый сибарит, чья хитрость и изворотливость ни разу не пошла ему на пользу.

– Фу! – сказал он, печально встряхиваясь на берегу, – Пусть красная парша-волчанка уничтожит всех собак этой мерзкой деревни! Каждая укусила меня три раза за каждую блоху на мне, и все потому, что я взглянул, заметьте, только взглянул на старый башмак в коровнике! Я, что, рождён жрать одну грязь?

Он почесал у себя под левым ухом.

– Я слышал, – сказал Адъютант голосом тупой пилы, пробирающейся через толстую доску, – я слышал, что в том башмаке был новорожденный щенок...

– Одно дело – слышать, другое – знать! – нагло заявил Шакал, нахватавшийся замшелых пословиц у мужланов, вечно куковавших вокруг деревенских костров по вечерам.

– Совершенно верно! Так вот, чтобы убедиться в этом, я позаботился об этом щенке, пока собаки тусовались в другом месте!

– Да! Они были очень заняты! – сказал Шакал. – Ну, теперь мне придётся потерпеть и не шлаться какое-то время в деревню за объедками! А что, в этом башмаке, и правда, был новорождённый щенок?

– Он теперь здесь! – сказал Адъютант, щурясь поверх клюва и показывая на полный кожаный мешок, – Мелочь конечно, но теперь, когда благотворительность не в моде, такими мелочами не приходится пренебрегать!

– Ахой! В наши дни мир стал жестоким! Просто жуть! – простонал Шакал.

Затем его беспокойный взгляд уловил едва заметную рябь на воде, и он быстро продолжал:

– Жизнь тяжела для всех нас, и я не сомневаюсь, что даже наш превосходный хозяин, гордость Магер Гаута и зависть реки...

– Лжец, Лстец и Шакал – все вылупились из одного и того же яйца! – сказал Адъютант, обращаясь не весть к кому, – Сам по себе, особенно когда не ленился, он всегда был довольно хорошим лжецом...

– Да-да, зависть реки! – повторил Шакал, поднимая голову и возвысив голос. – Даже он, я в этом не сомневаюсь, находит, что с тех пор, как был построен этот дурацкий мост, еда стала более дефицитна! Но с другой стороны, хотя я ни в коем случае не сказал бы этого лично перед его благородным ликом, он такой мудрый, сильный и такой невероятно добродетельный, каким, увы, я не являюсь...

– Когда Шакал начинает утверждать он серый, значит он чернее грязи! – пробормотал Адъютант. Он не видел, что происходит за его спиной.

– Что его пища его никогда не подводит, и, следовательно...

Послышался мягкий скрежещущий звук, как будто лодка только что налетела на мель.

Шакал быстро обернулся и посмотрел на то (это всегда лучше к лицу) существо, о котором он только что говорил. Это был двадцатичетырехфутовый крокодил,

заклученный во что-то похожее на клёпаный чугунный котёл, весь шипованный, усаженный зубцами и при колючем гребне на голове. Желтые концы его верхних клыков чуть нависали над его красиво очерченной нижней челюстью. Это был натуральный тупорылый разбойник и грабитель Маггер-Гаута, который будучи много старше любого мужчины в деревне, дал ей свое имя. Перед возведением железнодорожного моста это был полновластный демон брода, убийца, людоед, и местный фетиш в одном лице. Он лежал подбородком на мелководье, удерживаясь на месте едва заметной рябью мощного хвоста, но Шакал хорошо знал, что один взмах этого хвоста вынесет этого грабителя из воды на берег с силой парового двигателя.

– Какая встреча, о несравненный защитник бедных и обиженных! – залепетал Шакал, заискивая и пятясь при каждом слове, – Послышался столь приятный, нежный голос, и мы пришли сюда в надежде на приятный разговор! О, у меня столь куца презумпция, ожидая здесь чуда, я действительно заговорил о тебе, несравненный! Я надеюсь, что ты ничего не слышал!

Теперь Шакал говорил только для того, чтобы его наконец выслушали. Лесть во все времена была лучшим способом добыть еду, и он был готов к ней в любую секунду.

Грабитель понимал, что Шакал говорил с именно этой целью, и Шакал знал, что грабитель знает, что грабитель знал, что Шакал знал, что грабитель знает, и они все были в курсе и очень довольны друг другом.

Старый зверь толкался, пыхтел и хрюкал на берегу:

– Уваж-жайте стар-риков и немощ-щных! – вопил он, и все время его маленькие злобные глазки горели, как угли, спрятанные под тяжелыми роговыми веками, запрятанными на макушке треугольной головы, когда он пихал своё раздутое бочкообразное тело между толстыми костылями ног. Потом он успокоился, и залёг, и, как ни привык Шакал к его обычному облику, он не мог не поддаться искушению начать, в сотый раз, как всегда, когда он видел его, верить что пред ним бревно, выброшенное из реки на песчаный берег, так ловко речной разбойник симитировал это.

Он даже, кажется, приложил усилия, чтобы всё правильно рассчитать с учётом русла и скорости течения воды, и лежать именно под таким углом, под каким

натуральное бревно может сесть на мель, чтобы расположиться в единственно нужном для бревна месте.

Все это было, конечно, лишь делом привычки, инстинкта, потому, что Маггер сошел на берег не ради охоты, но... так как крокодил никогда не бывает вполне сыт, а если бы Шакал... способен был бы обмануться этим подобием, он бы не дожил бы до философствований на эти сложные темы.

– Дитя мое! Я ничего не слышу! – сказал Грабитель, закрывая один глаз, – Вода залилась у меня в уши, и я очень ослаб от голода! С тех пор, как был построен этот дурацкий железнодорожный мост, мои люди в моей деревне перестали любить меня, и это разбивает мне моё бедное сердце!

– Ах, какой позор! – сказал Шакал, – И такое благородное сердце! Но люди, на мой взгляд, все одинаковы! Мерзость!

– Нет, есть очень большие различия! – сказал грабитель в очень мягкой, интеллигентной манере, – Некоторые из них, как согнутые худые палки! Другие – толстые, как молодые собаки! Я никогда не стал бы беспричинно поносить людей! Они все в тренде, но долгие годы показали мне, что, какого из них ни возьми, все они очень, оч-чень по-своему хороши! Мужчины, женщины, дети! У меня нет к ним вообще никаких претензий! И помни, дитя моё, тот, кто осуждает мир, тот проклят этим миром!

– О-у! Лесть гремит в желудке хуже пустой консервной банки! Но то, что мы только что услышали – это величайшая мудрость мира, – велеречиво сказал Адъютант, припадая вниз на одну ногу.

– Подумайте, однако, об их кощунственной неблагодарности по отношению к этому превосходному че... существу! – нежно пропел Шакал.

– Нет, нет, это не неблагодарность! – ответил грабитель. Они просто не думают о других – вот и все! Но я заметил, лёжа на своем посту чуть ниже брода, что на ступени нового моста жестоко трудно карабкаться, как для стариков, так и для маленьких детей. Старики, действительно, не так достойны внимания, но я ещё больше огорчен, даже опечален... я искренне опечален из-за несчастий этих толстых детей. До сих пор, думаю, они заблуждались, но через некоторое время, когда новизна моста измучит их, мы ещё увидим их голые, юные, загорелые

ноги, славные ноги моего народа храбро, как и прежде, с плеском переходящие через старый, излюбленный Брод. Тогда старый грабитель будь снова польщен их вниманием, и они вернут ему своё глубокое, жирное уважение!

– Но я, конечно же, видел венки из календулы, свисающие с края реки и плившие по ней... вдоль Гаута только сегодня днем! – нерешительно сказал Адъютант. Венки из ноготков – знак любви и уважения всей Индии!

– Ошибка, ошибка! Это была жена продавца сладостей! Она теряет зрение год за годом и уже не может отличить бревно от бревна! Я – признанный грабитель древнего Гаута! Я первый увидел её ошибку, когда она бросила гирлянду, ибо я лежал у самого подножия Гаута, и если бы она сделала еще один ложный шаг, я бы показал ей кое-что. Она бы поняла, вот в чём разница! Но она хотела как лучше, и мы должны принять во внимание её духовные запросы!

– Что толку в венках из календулы, когда ты на помойке? – взвизгнул Шакал, охотясь на блох, но держа ухо на стрёме, и приглядывая одним глазом за благородным защитником сирых стариков и маленьких беззащитных детишек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/redyard-kipling/grobovschik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)